

ПРАВО И ИНТЕРЕС (Р. ИЕРИНГ) (НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ)

© 2018 г. Н. В. Кроткова

Журнал “Государство и право” Российской академии наук, Москва

E-mail: krotkova2012@yandex.ru

Поступила в редакцию 18.01.2018 г.

Даны материалы научной конференции “Право и интерес (Р. Иеринг)”, состоявшейся 20 декабря 2017 г. на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. Тема соотношения права и интереса в трактовке известного немецкого юриста Р. Иеринга оценивалась участниками конференции в рамках философии права, политики права, истории политических и правовых учений, социологии права, методологии юридической науки. Участники конференции дали разносторонний анализ теории Иеринга и обратили внимание на актуальность многих положений его политико-правовой доктрины для современной юриспруденции и догмы права: оценка права как интереса, соотношение цели права и его содержания, исследование форм борьбы за право, зависимость права от уровня правосознания народа.

Ключевые слова: Р. Иеринг, право, интерес, философия права, политика права, социология права, юриспруденция, догма права, цель права, борьба за право.

DOI: 10.7868/S0132076918060112

20 декабря 2017 г. на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова прошла научная конференция “Право и интерес (Р. Иеринг)”, организованная кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета и кафедрой философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Конференцию открыл М.Н. Марченко, зав. кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ. *Государственно-правовые взгляды Р. Иеринга*

Немецкий ученый, юрист Рудольф фон Иеринг (1818–1892) в разное время был профессором университетов Геттингена, Базеля, Вены, Киля и Ростка. Основными его научными трудами являются: “Дух римского права” (“Дух римского права на различных ступенях его развития”), “Цель в праве” и “Борьба за право”. Ряд произведений Р. Иеринга были переведены с немецкого на иностранные, в том числе на русский, языки.

В своих работах автор затрагивает широкий круг вопросов, касающихся государственно-правовой материи, и высказывает ряд идей и положений, имеющих важное теоретико-методологическое значение и позволяющих глубже познать государство и право как самих по себе, так и в их взаимосвязи и взаимодействии. К разряду таких идей и положений следует, в частности, отнести рассуждения Иеринга о том, что государство и право выступают в виде двух сторон одного и того же явления — *социального принуждения* и имеют *общий источник — власть*. Эта власть может быть *правовой*, — “правильной, обусловленной правилами, следовательно, дисциплинированной властью”, и *неправильной* — властью “дикой, грубой,

определяющейся лишь страстью и временной выгодой”¹. С позиций органической связи с властью государство представляется автором как “держава организованной принудительной власти”, а право — как “система социальных целей, гарантируемых принуждением”². При этом, замечает Иеринг, “в моих глазах право представляется властью, осознавшей собственную выгоду, а вместе с тем и необходимость меры, следовательно, не чем-либо в сущности отличным от власти, а лишь одной из форм ее проявления”. Подводя итог своим рассуждениям о неразрывной связи права с властью, ученый заключает, что “не право владевает вместо власти, а сама власть, притом постоянно и всюду; она восседает на престоле, и право ей служит так же, как компас штурману. Но подобно тому, как не компас стоит на руле, так точно не право, а власть управляет рулем”³.

Широко используя сравнительный метод познания государственно-правовой материи, вместе с “анатомическим” и “физиологическим” методами “исследования правового организма” Иеринг рассматривал государство и право не только в плане их органической связи с властью — их “общим источником”, но и в соотношении их с другими явлениями и институтами. В частности, государство рассматривалось с позиций его связи и взаимодействия с *обществом*. “По нашему *теперешнему представлению*, — констатировал автор, — государство есть нечто вполне отличное от индивидуумов, а по *древнеримскому* — оно было ничем иным, как обществом, соединением всех индивидуумов”. Это означало: “что

¹ Иеринг Р. Цель в праве. СПб., 1883. С. 188.

² Там же. С. 180.

³ Там же. С. 188.

принадлежит государству — принадлежит им, *его интересы — их интересы*, его оскорбление есть оскорбление их — короче, различие в воззрении громадно до крайности”. И “открыть это различие идейного содержания при всем внешнем сходстве учреждений есть, по моему мнению, — писал ученый, — одна из самых необходимых и важных задач, которые только историк имеет разрешать по отношению к древнеримскому государственно-му устройству”⁴.

Наряду с исследованием государства в сравнительном плане с обществом право также, в свою очередь, рассматривалось Иерингом в этом же ключе — в соотношении с таким явлением, как *сила*. Следует сразу заметить, что эта “вечная” тема и проблема юридической науки — проблема соотношения права и силы неизменно решалась автором в пользу принципа справедливости и “чувства права”. Уже в те времена, “когда общество не выделило еще из себя органов для осуществления права, когда, лучше сказать, считалось чисто частным делом индивидуумов добывать себе право”, уже тогда “не случай господствовал вместо права, не количество физической силы, находящейся к услугам то той, то другой из спорящих партий, решало дело, но идея *права осуществлялась* уже и здесь, хотя и несовершенным образом. <...> В самом чувстве права, — подытоживал Иеринг, — уже заключается стремление осуществлять себя, и оскорбление его, хотя бы оно касалось близко только до отдельного индивидуума, возбудит это стремление не только в нем, но и во всем совокупности их”⁵.

Стремясь дать в процессе исследования государственно-правовой материи социологическое обоснование современному ему государству и праву, Иеринг исходит из того, что в праве как системе *социальных целей*, “гарантированных принуждением”, всегда выражается *определенный интерес*. Это может быть личный и общественный интерес, эгоистичный интерес и интерес всего общества, а также военный интерес, выступающий как “*мотив*, обогащающий государство идеей, которой мы, — рассуждал ученый, — в нем до сих пор еще не открыли, — идеей преобладания и подчинения”⁶. Интерес в праве, по убеждению автора, *неизбежно связан с определенными целями*. Если в мире природы, размышляет он, действует механический *закон причинности*, то в социальном мире — закон целесообразности, предполагающий, что причиной тех или иных действий человека являются *определенные цели*. Данный закон именуется *целевым законом*, который гласит, что “нет хотения, или, что то же самое, нет деяния без цели”, или же, что “цель является представлением о будущем, которое воля предполагает осуществить”⁷.

Придавая важное значение целевому закону, а вместе с ним и интересу в праве, Иеринг приходит к выводу о том, что *цель является творцом права*. Цель,

обусловленная интересами индивидуума, — цель личного, эгоистического характера, которая может совпадать с целями и интересами государства и общества, а может и не совпадать. “Мелочной, близорукий эгоизм, — рассуждает по этому поводу Иеринг, — имеет пред глазами только отдельную выгоду, он преследует ее в случае надобности на счет права, чести, отечества, короче такими способами, которые, будучи всеобщими, были бы самыми нецелесообразными в мире”. В то же время, как это имело место в Древнем Риме, повествует автор, “римлянин напротив того знает, что его индивидуальное благо обусловлено благом государства, его эгоизм отнимает, следовательно, вместе с первым в то же время и государство”. Он знает, констатирует Иеринг, что “строгое соблюдение и исполнение законов соответствует всеобщему, а следовательно, и его собственному интересу”⁸.

Отдавая должное интересу в праве и целевому закону, Иеринг в то же время уделяет значительное внимание вопросам *обеспечения права, борьбы за право*. В своей работе “Борьба за право” он декларирует: “Цель права — мир, путь — борьба”. И далее: “Пока право подвержено опасности со стороны неправа, — а так будет, пока стоит мир — до тех пор ему не избавиться от борьбы. Жизнь права есть борьба, борьба народов, государственной власти, сословий, индивидуумов”⁹. Отстаивая данное положение-тезис, автор в то же время подвергает резкой критике утверждение сторонников исторической школы права (Пухта, Савиньи) о том, что “образование права происходит также незаметно и безболезненно, как образование языка” и что “нет здесь никакой борьбы, никаких столкновений, даже никаких исканий”¹⁰. Право, доказывает ученый, не возникает само собой. Оно возникает и развивается *не иначе, как в постоянной борьбе*. “Все великие приобретения, — свидетельствует он, — на которые может указать история права: отмена рабства, крепостного состояния, свобода земельной собственности, промыслов, вероисповедания и пр., — все это пришлось добывать лишь таким путем ожесточенной, часто целевые столетия продолжавшейся борьбы, и путь, по которому при этом шло право, нередко отмечен потоками крови...”. Однако борьба за право, замечает Иеринг, *значительно меняет свой характер после признания равенства всех граждан* перед законом, признания свободы совести, свободы собственности и др. Если раньше борьба за право велась за утверждение в нем новых принципов и норм, то теперь она должна вестись только за реализацию уже существующего права в силу того, что, по мнению автора, было достигнуто единство этого права и прав личности как субъективных прав, понимаемых в смысле “конкретного воплощения абстрактного правила в конкретном правомочии личности”.

Развивая идею борьбы за право, Иеринг исходил из следующих положений, сформулированных им в работе

⁴ Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. СПб., 1875. С. 153.

⁵ Там же. С. 104–106.

⁶ Там же. С. 212.

⁷ Иеринг Р. Цель в праве. С. 2, 6.

⁸ Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. С. 278.

⁹ Иеринг Р. Борьба за право. СПб., 1908. С. 3.

¹⁰ Там же. С. 6.

“Борьба за право”: а) “право есть нравственное жизненное условие существования личности, а защита, права — нравственное сохранение личности”; б) “борьба за право есть обязанность по отношению к самому себе”, а “защита своего права составляет обязанность перед обществом”; в) “конкретное право не только получает от абстрактного жизнь и силу, но и отдает ему таковые обратно. Сущность права заключается в практическом осуществлении”; г) “кто защищает свое право, тот в узких пределах его защищает право вообще”, ибо “мое право есть право вообще, в моем праве нарушается и защищается вместе и право вообще”¹¹; д) там, где “существующее право опутало своими корнями интересы, — там новому праву приходится пролагать себе путь помощи борьбы, и эта борьба тянется нередко целое столетие”¹².

Подводя итог своим размышлениям, Р. Иеринг не без оснований заключает, что “без борьбы нет права, как без труда нет собственности” и что “с того момента, как пропадет готовность права к борьбе, погибнет и самое право”¹³.

Е.Н. Мошелков, зав. кафедрой философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р полит. наук, проф. Политика и право как социальные регуляторы

Политика и право — это два наиболее многозначных понятия в обществознании. Данная многозначность и неопределенность обусловили, в частности, размытость и неопределенность объект-предметного и функционального поля таких наук, как политология и юриспруденция. Представляется, что важнейшей (в многозначном поле) функцией политики и права является их *регулятивная функция*. Политика и право — это важнейшие социальные регуляторы, от действия которых во многом зависит повседневная жизнь общественных систем и отдельных людей.

Главный объект таких социальных регуляций — это *интересы* различных социальных групп, сосуществующих в рамках замкнутых социальных систем как национального, так и международного уровней. По своей природе эти интересы обречены на конфликты и столкновения. Привести их к консенсусному “мирному” взаимодействию могут только внешние регуляторы, каковыми исторически и являются политика и право.

Для этого, конечно, данные социальные регуляторы должны быть вне каких-либо определенных интересов. Они должны отстаивать интересы или государства, или установленного миропорядка. К сожалению, в истории и в современности мы находим множество примеров, когда регулятивная функция политики и права отступает от этого фундаментального правила, что и приводит к серьезным социальным противоречиям и катаклизмам.

Поэтому очевидно, что в реальной истории данные регуляторы могут действовать как на повышение

интеграции и эффективности общественных связей, так и на их дезинтеграцию и разрушение. В этом смысле политика и право (правовая практика) бывают как позитивными, созидательными (т.е. способствовать консенсусу и компромиссу), так и негативными, разрушительными (т.е. приводить к отчуждению и конфликтам).

Политика и право в реальном историческом контексте всегда являются двумя важнейшими *взаимосвязанными* регуляторами современной общественной жизни. Эта взаимосвязанность основана на трех принципах их функционирования: 1) на *принципе взаимодополняемости*; 2) на *принципе взаимообусловленности*; 3) на *принципе взаимозаменяемости*.

Политика и право как социальные регуляторы работают эффективно и созидательно только при ясном и точном знании того, к каким идеальным моделям общественных отношений нужно стремиться. Поэтому исследователь и практик должен адекватно определять существующий порядок вещей (*сущее*), а затем создавать идеальную модель (модели) этого порядка (*должное*). Именно в этом взаимном переплетении сущего и должного и лежит главная проблема современной общественной жизни и гуманитарной науки.

Адекватное истолкование (прежде всего философское) проблемы взаимодействия политики и права, включая и проблему “сущее-должное”, возможно только на понятийно-методологической базе новых интегральных подходов, в рамках новых *интегральных* научных дисциплин. Одна из таких философских субдисциплин — *философия политики и права*, которая в настоящее время разрабатывается на философском факультете МГУ им. М.В. Ломоносова.

В.Н. Жуков, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р юрид. наук, д-р филос. наук., проф. Рудольф Иеринг: юрист, социолог, философ

В континентальной Европе на протяжении всего средневековья и вплоть до XIX в. рецепция римского права была магистральным направлением в развитии юриспруденции (практики и науки). Европейские юристы осваивали догматику, созданную в Древнем Риме, и перерабатывали ее, соотнося с условиями жизни сначала феодальной, затем буржуазной Европы. Главные усилия были направлены на создание догмы гражданского права, поскольку именно она закрепляла экономические отношения — фундамент любого общества. Институт собственности и связанный с ним весь спектр материальных отношений требовали своей правовой регламентации. В конце XVIII — первой половине XIX в. складывается тот костяк классических юридических дисциплин (гражданское право, уголовное, государственное, административное, процессуальное), которые дошли до нашего времени. И в ходе рецепции, и в XIX в. главным предметом изучения догматической юриспруденции было позитивное право, созданное (прямо или косвенно) и охраняемое властью. Юрист-догматик ставил себе целью изучать действующее позитивное право, его нормы, принципы и конструкции, логику

¹¹ Там же. С. 38, 41, 42, 44, 50.

¹² Там же. С. 8, 9.

¹³ Там же. С. 85.

построения и на этой основе создать модель непротиворечивой догматики и предложить ее государству для практического использования. Юрист-догматик вполне естественно воспринимал свою деятельность как доведение до совершенства воли государства, выраженной в форме юридической догмы. Очевидно, что догма гражданского права отражала не только и не столько волю государства, сколько исторически сложившийся уклад жизни народа. Но в конечном счете на завершающей стадии догма права воспринималась как воля власти, которую необходимо беспрекословно исполнять. Для юриста-догматика это — своего рода аксиома, определяющая его профессиональную психологию. Юрист-догматик видит свою задачу в том, чтобы, руководствуясь волей власти и логикой, заложенной в позитивном праве, придать юридической догме совершенный вид и на этой основе максимально повысить эффективность правового регулирования. Здесь юрист-догматик почти всецело оказывается во власти юридической схоластики, очень часто оторванной от жизни. По большей части его интересует юридическая техника (в самом широком смысле этого термина), юридико-догматическая возможность перевода воли власти на язык права. Общественные отношения, сама жизнь принимаются, конечно, отраслевым во внимание, но не они определяют его профессиональную деятельность.

Догматическая юриспруденция, несомненно, является ядром юридической науки, именно она определяет ее ценность для общества и государства. Вместе с тем ее ограниченность догматическим анализом также очевидна. В истории Европы и России мы найдем немало юристов, достигших на поприще догматики выдающихся результатов. Но отраслевиков, которые выходили бы за рамки догматических исследований и проявляли себя в качестве юриста-философа или юриста-социолога, — единицы. Одним из тех, кто раздвинул рамки догматического анализа и дополнил его социологическим подходом, был Р. Иеринг. Иеринг — автор, оказавший огромное влияние на своих современников в Германии и за ее пределами. В России, например, под непосредственным воздействием его идей зародилась отечественная социология права (С.А. Муромцев, М.М. Ковалевский, Н.М. Коркунов, Ю.С. Гамбаров и др.). Иеринг — пример довольно редкого типа исследователя, который органично ощущает себя юристом, историком, социологом и философом. В своей творческой эволюции он прошел путь от юридической догматики через историю римского права к социологии и философии права. Его тексты, насыщенные примерами из цивилистики, которую он блестяще знал и чувствовал, — это удивительный сплав юридической, социологической и философской мысли. Обычно юристу-догматику трудно работать в таких разных областях, как отраслевая юриспруденция и социология. В России, например, попытка внедрить социологию в догматическую юриспруденцию обернулась широкой дискуссией, обнаружившей глубокую пропасть непонимания между юристами-догматиками и юристами-социологами. Разумеется, юристы-догматики были правы в том, что проникновение социологии в отраслевую юридическую

науку могло закончиться разрушением последней. Но их аргументация демонстрировала, как правило, профессиональную ограниченность, неспособность посмотреть на свою дисциплину с позиции других наук. Иеринг, напротив, сумел показать ценность для юридической науки и догматики, и социологии, и философии, и истории. В работе “Дух римского права” показывается связь институтов права с жизнью древних римлян. “Борьба за право”, “Цель в праве”, “Интерес и право” — сочинения, где на основе социологического, философского и исторического анализа дается интерпретация социальных и юридических институтов общества. В “Юридической технике” раскрывается суть догматического метода, чего до Иеринга с такой степенью детализации никто не делал. Первые русские юристы-социологи в своем радикальном стремлении реформировать догматическую юриспруденцию на социологический лад презрительно называли ее искусством, а не наукой. Иеринг такого противопоставления не делает, для него отраслевая юридическая наука — это одновременно и наука, и искусство, и то и другое требует знаний и способностей. Он утверждает, например, что требование упростить язык права исходит от профанов, ничего не понимающих в юриспруденции. Как всякая серьезная отрасль знания, юридическая наука должна иметь свой собственный, детально разработанный понятийный аппарат, и главное здесь — не доступность для обывателя, а эффективность для практики.

Имея в виду сказанное, можно сделать вывод: творчество Р. Иеринга демонстрирует пример синтетического знания, создающего иммунитет против научной ограниченности и нетерпимости.

В.Н. Расторгуев, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р филос. наук. *Функциональные цели политики и интересы политиков в зеркале философии права*

Наука и искусство, политика и религия — каждая из этих и других специализированных сфер и отраслей человеческой деятельности имеет свое лицо, собственную историю и внутреннюю логику становления. И каждая из них становится звеном мирового и национального культурного наследия, достоянием следующих поколений благодаря сложившимся формам внутренней и внешней регламентации, в том числе политической (соответствующие механизмы государственной отраслевой политики) и правовой. При этом преходящие и непреходящие, инвариантные характеристики самой деятельности по-разному открываются в зависимости от того временного горизонта, в который мы их рассматриваем. Если мы ограничиваемся краткосрочной и среднесрочной временной перспективой, точнее ретроспективной, то в поле зрения попадают отдельные события, а в рамках долгосрочной перспективы и большие событийные ряды, в том числе циклические, и те каузальные связи между исторически значимыми событиями, которые поддаются рациональной реконструкции¹⁴. Если

¹⁴ Классификацию событий, в том числе “роковых” и циклических, см.: *Расторгуев В.Н.* События-двойники: возможности

же речь идет о воистину дальнесрочных горизонтах, а точнее о метаисторическом времени, то картина существенно изменяется, когда даже события исторической значимости уходят на второй план.

В первом случае становятся доступными эволюционные процессы развития, а также разрывы преемственности, возникающие в результате конфликта интересов различных социальных или этнических групп и отдельных людей (человеческий фактор истории — в позитивном и негативном значении этого термина). Естественно, на первый план выходят основные акторы деятельности — знаковые фигуры среди политической и военной элиты, выдающиеся мыслители и творцы, властители дум и душ. С их именами связаны судьбоносные события, предопределившие ход истории. Во втором случае, в “периоды большой длительности”, на первый план выходят метаисторические процессы, когда нам открываются, по точному определению М. Фуко, не только исторические реалии и событийные ряды, но и *телеология разума*. Это свидетельствует, по его мнению, «о возврате к философии истории, к представлениям о великих эпохах мира, к периодизациям, которые бы исходили из “предназначения цивилизаций”»¹⁵, что не позволяет свести проблему “к простой линейной схеме”. Здесь частные и групповые интересы представляют уже куда менее существенными, чем *телеологический аспект* становления различных сфер специализированной деятельности. Теперь центральное место в аналитике занимают функциональные отличия, существующие между наукой и искусством как сферами, где доминирует (в соответствии с известной кантовской классификацией) направленность либо на открытие уже существующего (научная сфера), либо на изобретение нового, не существовавшего прежде (искусство). При этом в сферу искусств наряду с изящными искусствами Кант включает технику и изобретательскую деятельность. Соответственно, наравне с этими условно выделяемыми сферами, где ключевыми функциями являются “открытие” и “изобретение”, выделяется обширная область, где доминирует регламентирующая функция, которая распространяется на все сферы деятельности. Это — религиозное сознание, мораль и право, в котором выражаются государственные интересы¹⁶.

На глубокое функциональное родство этих регламентирующих сфер обращал внимание Гегель в своей “Философии права”, который понимал право предельно широко, включая в это понятие в первую очередь “неограниченно абсолютное право мирового духа”. В частности, он писал: “Право есть нечто святое вообще, святое только потому, что оно есть наличное бытие абсолютного понятия, самосознательной свободы.

Формализм же права (и затем также и формализм обязанности) возникает из различия между ступенями развития понятия свободы. Каждая ступень развития идеи свободы обладает своим собственным правом, так как она есть наличное бытие свободы в одном из ее определений. Когда говорят о противоположности между моральностью, нравственностью, с одной стороны, и *правом* — с другой, то под правом понимают лишь первое формальное право абстрактной личности. Моральность, нравственность, государственный интерес каждое в отдельности представляют собой особое право, так как каждая из этих форм есть определение и наличное бытие *свободы*. *Коллизия* между ними может произойти лишь постольку, поскольку все они находятся на одной и той же линии и являются правом”¹⁷.

Мы привыкли повторять как заклинание старую, почти стертую от времени формулу: “политика — грязное дело”. В этом суждении есть доля истины, и немалая: власть, как известно, развращает, абсолютная власть развращает абсолютно. Но дело в том, что именно здесь и только здесь, в мире реальной политики — публичной и отраслевой, внутренней и внешней, могут решаться и решаются наиважнейшие проблемы, связанные с защитой территории, с народосбережением и природосбережением, т.е. с сохранением Божьего дара — многообразия культур и этносов, природных богатств. Именно в этом заключена “святость политики и права”. При этом сами политики, цели и интересы которых не совпадают и не могут совпадать с функциональными целями политики, даже наперекор своим узким задачам подчиняются логике функциональных целей. Откажись правящая элита от этих предначертанных целей ради сиюминутных выгод, и пойдет на дно государственный корабль вместе со всеми, кто на нем находится. Палубы, классы и задачи у всех “пассажиров” и членов команды разные, а устойчивость корабля — дело общее, вопрос жизни и смерти. И многое зависит от правильного курса, от выверенной логии. Разумеется, в данном случае речь идет прежде всего о долгосрочном и дальнесрочном политическом и геополитическом планировании, о строительстве государственных институтов, способных устоять при любых испытаниях и потрясениях.

Постепенно, с большим трудом в нашем обществе пробивает дорогу осознание того, что политика без человека, а точнее без достойных людей, посвятивших себя этому делу, — это бесчеловечная политика, поскольку созидательная политика всегда держалась и держится на лучших человеческих качествах. В роковые эпохи политических настроений, когда на поверхность политической жизни поднимаются далеко не лучшие социальные силы и темные личности, главный удар наносится именно по национальным героям, культурным лидерам и духовным светочам нации. В этот момент может показаться, что мировая и отечественная политика всегда была сборищем злодеев и казнокрадов. Дегероизация истории, порождающая правовой и этический нигилизм, творится только для того, чтобы скрыть

массмедиа и задачи политического планирования // Человек перед вызовом новейших информационных и коммуникативных технологий. М., 2014.

¹⁵ Фуко М. Археология знания. Киев, 1996. С. 11.

¹⁶ Развернутое обоснование этой концепции впервые было дано нами в книге: Завьялов М.П., Расторгуев В.Н. Единство и преемственность сознания. Томск, 1988.

¹⁷ Гегель. Философия права // Гегель. Соч. М. — Л., 1934. С. 55.

протivoестественность политики и права, основанных на предательстве национальных интересов и отказе от функциональных целей (в этом случае даже писаное право, по мысли Гегеля, превращается в свою противоположность — неправо). Но бури проходят, а вся наносная грязь смывается временем. Имена подлинных столпов культуры и достойных представителей национальной политики возвращаются на своё законное место. Всё это лишь подтверждает тот факт, что не следует искать святости ни в какой-то отдельной науке, ни в политике, ни в правосознании. Её носителями могут быть только сами люди, для которых служение своим целям и интересам не исключает служения долгу.

Е.А. Фролова, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р юрид. наук. *Р. Иеринг как методолог права*

Известный немецкий юрист Р. Иеринг своими исследованиями по теории, философии, истории, догме права внес заметный вклад в науку юриспруденции. Большое значение для понимания вещного права имеет его полемика с представителями исторической школы права в работе «Об основании защиты владения», в которой он, критикуя подход Савиньи, предлагает собственную теорию владения. Кроме этого Иеринг, четко различая понимание права как социального регулятора и науку о праве, обогатил методологию юриспруденции и социальных наук в целом. На примере его учения (следует заметить, что отдельной работы по методологии юридической науки у него нет) можно убедиться, что методология не привносится ученым в свое творчество извне, напротив, она порождается содержанием самой концепции, конечно, при условии ее оригинальности и значимости.

Как известно, юридический позитивизм, господствовавший в середине XIX в., не решал всех теоретических проблем в области государства и права; Иеринг стремился восполнить формально-догматическую методологию исследования права социологией. Норма и принуждение — два важнейших момента, образующих форму права, не раскрывают, утверждал немецкий правовед, содержание права. Последнее определяется целью, и эта цель — право.

Содержание права постоянно меняется, предписанное в одном месте является нежелательным, а может быть, и запрещенным — в другом, что могло бы породить хаос в праве. Однако, рассуждал он, неутешительный результат поиска единого понимания права имел бы место только в том случае, если бы право ставило своей целью постижение истины. В этом случае «истина постоянно шла бы на несколько шагов впереди права», но право, в отличие от юриспруденции, не ставит перед собой такой цели. Согласно концепции Иеринга масштаб истины к праву неприменим: «Истина является целью познания, но не действия». Противоположность между истиной и заблуждением абсолютна, а в области действий человека нельзя представить только одно поведение истинным, а любое другое — ложным. Для оценки действий воли человека он предложил ввести

относительный масштаб — правильность: «С выражением “правильно” соединяется представление о направлении, т.е. о пути, по которому должен идти кто-либо, для того чтобы достигнуть его конца, цели»¹⁸. В этом смысле право означает “правильность” и свидетельствует об истине (ее поиске) с точки зрения практической конечной цели.

Что касается науки, то она, в отличие от социального регулятора, свободна в своих творческих исканиях. Свобода творчества предполагает отсутствие в науке авторитета, который был бы способен возвести заблуждение в степень истины (как это бывает в области права). В этом положении, по мысли Иеринга, и заключается принципиальное отличие права — социального регулятора от науки юриспруденции: положения науки могут (и должны) оспариваться, тогда как предписания права имеют обязательное для всех значение — им должен подчиняться и тот, кто считает их заблуждением. Ключевой момент методологического различия права-регулятора и юриспруденции состоит в признании за социальным регулятором относительного масштаба цели. Этим обусловлено и бесконечное разнообразие (цели у всех разные) содержания права, предписания которого должны учитывать состояние народа, степень его культуры, потребности места, времени и др.

Концепция немецкого мыслителя позволила глубже уяснить природу и назначение права; на теоретическом уровне были поставлены вопросы правового разграничения интересов членов общества как между собой, так и между обществом, с одной стороны, и государством — с другой; оценки интересов на предмет их правовой защиты и многие другие, которые решались в рамках социологических концепций права, в том числе представителями русской правовой мысли (С.А. Муромцев, Н.М. Коркунов), по-своему интерпретировавших теорию Р. Иеринга.

О.Ю. Бойцова, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р полит. наук. *“Юриспруденция интересов” и политизация права*

Дискуссии о соотношении политики и права — как в реальной жизни, так и в сфере теоретического осмысления — не смолкают столетиями. Взаимозависимость этих сфер, как и неразрывная связь каждой из них с властными отношениями и институтами государства, постоянно актуализируют вопрос о возможности и необходимости демаркации политических и правовых способов социального регулирования. Сложность разделения права и политики находит отражение и при аналитическом разведении их по разным наукам. И хотя создано немало теоретических моделей, объясняющих специфику предметного поля и отстаивающих автономную соответствующих дисциплин, до сих пор нет (да и не может быть) ответа на вопрос, в чем ведение должно находиться общие тематические слои и базовые концепты. Чаще всего в силу неразрешимости данной

¹⁸ Иеринг Р. Избр. труды: в 2 т. Т. I. СПб., 2006. С. 356.

коллизии результатом становится взаимное игнорирование политических и правовых теорий. Осознание непродуктивности подобной интеллектуальной автаркии легло в основу противоположной, синтетической, парадигмы, исходящей из фактического и концептуального единства политики и права.

Один из наиболее авторитетных вариантов их теоретического сближения построен на проблематике интереса. В политической философии она носит основополагающий характер. Независимо от того, понимается ли политика в логике вайолентного подхода, который определяет ее как борьбу за власть, или консенсусного, трактующего ее как реализацию общей воли, концепт “интерес” занимает центральное место: в первом случае борьба обусловлена конфликтом, во втором — совпадением интересов. Важную роль это понятие традиционно играло и в правовом лексиконе, а концептуально базовое значение оно приобрело в конце XIX — начале XX в. с появлением философско-правовой школы, известной как “юриспруденция интересов”.

Глава школы Р. Иеринг, трактуя право как средство защиты интереса, по сути, придал данному концепту в философии права тот же статус, какой он имеет в политической философии, — сделал его основой, определяющей главный элемент предметного поля. Это предельно сократило разрыв между правом и политикой в концептуальном плане.

Дальнейшая философская разработка проблематики интереса задала новые векторы такого сближения. Иеринг определил интерес как “жизненные требования в широком смысле”¹⁹, они воспринимаются как непреложные и потому нуждаются в защите. Защиту дает право, которое есть не что иное, как “обеспечение условий существования общества путем принуждения”²⁰. В этой трактовке особого внимания заслуживает, во-первых, акцент на вайолентный характер права и, во-вторых, его соотношение с менталитетом, признание того, что “интерес как мера права есть мера непостоянная”²¹. Блага, которые тот или иной человек или народ в целом считает необходимым охранять, определяются конкретной культурой: “Мной указанная точка зрения.., — пишет философ, — не говорит, что нечто должно быть объективно условием для существования общества, но субъективно почитается за таковое”²².

Отказ от универсальности в пользу относительности, безусловно, позволяет объяснить различие правовых систем и динамику права в целом. При этом неизбежно возникает тема конкуренции интересов, претендующих на правовую защиту, которая, как было сказано выше, всегда связана с принуждением. А в “борьбе за право” побеждает сильнейший, навязывая свой интерес как

обязательный. Тем самым практически полностью стирается грань между предложенным Иерингом правопониманием и вайолентной трактовкой политики, при которой, по сути, речь идет о том же самом. Победа в борьбе за власть означает легитимацию политического курса, реализующего интересы победителя, которая может принимать различные формы — от идеологического закрепления до институционализации конкретных практик.

В.Н. Корнев, проректор по научной работе, зав. кафедрой конституционного права им. Н.В. Витрука Российского государственного университета правосудия, д-р юрид. наук, проф. Юриспруденция интересов (*Interessen jurispruden*) Филипа Хека — закономерный результат смены парадигмы в развитии юридической науки

На рубеже XIX–XX вв. один из наиболее ярких последователей Р. Иеринга в Германии, а по сути, непосредственный создатель юриспруденции интересов Ф. Хек (1858–1943) писал, что в юридической науке “примат логики вытесняется приматом исследования актов реальной жизни и оценкой их”²³. Учение Хека, как представляется, отражало исторический процесс смены научной парадигмы в правопонимании, правотворчестве и правоприменении. Оно является ярким примером исторической интерпретации оснований дисциплинарной матрицы юридической догматики²⁴.

Юриспруденция интересов Хека и его единомышленников ставила перед собой задачу разработать и предложить юридической практике новые методы толкования и применения права. Хек считал, что учение о беспроblemности законов и системы права в целом не соответствует действительности. В соответствии с господствовавшей до 1918 г. юриспруденцией понятий (*Begriffs jurispruden*) правопорядок понимался как закрытая система иерархически соподчиненных понятий, которые содержали в себе правовые предписания (правовые нормы). Хек формулирует новые представления о тезисе каузальности: “Законы являются закреплением и выражением противостоящих друг другу и конкурирующих между собой материальных, религиозных и этических интересов, характерных для правового общества, в познании которых и состоит сущность юриспруденции интересов”²⁵. Нормы права в теории Хека выступали как средство официального нормативного закрепления в законодательстве и ставшая общеобязательной оценка интересов, направленная на регулирование законодателем общественных отношений и разрешение конфликтов²⁶.

²³ Heck Ph. Begriffsbildung und Interessen jurispruden. Tübingen, 1932. S. 4.

²⁴ См.: Aarnio A. On paradigm of Legal Dogmatics-Problems of Scientific Progress in Legal Research, in: Contemporary Conceptions of Law: Proceedings of the 9th World Congress, Basel. 27.8.1979–1.9.1979 / ed. by P. Trappe, F.S. Verlag. Wiesbaden, 1982; Leszczynski Jerzy. O niezmiennosci sposobu uprawiania dogmatyki prawa // Studia Prawno-Ekonomiczne, t. LXXXI. 2010. S. 123.

²⁵ Heck Ph. Gesetzesauslegung und Interessen jurispruden. AcP112, 1917. S. 122, 17.

²⁶ См.: Heck Ph. Begriffsbildung und Interessen jurispruden. S. 72 ff.

¹⁹ Иеринг Р. Интерес и право. Соч. д-ра Рудольфа фон Иеринга, юстиц тайного советника и проф. Гёттингенск. ун-та / пер. с нем. А. Борзенко. Ярославль, 1880. С. 83.

²⁰ Там же. С. 130.

²¹ Там же. С. 83.

²² Там же. С. 134.

Поэтому обнаруженные пробелы должны преодолеваются не с помощью логических умозаключений, а посредством оценки, выраженной в законах, интересов.

Правильное истолкование норм права означало познание закреплённых в них интересов и того значения, которое придаёт им законодатель. Поэтому спор о праве Хек интерпретировал как конфликт интересов. Задача судьи поэтому состояла в том, чтобы выяснить, с одной стороны, существенные интересы субъектов, которые в конкретном случае коллидируют между собой, а с другой — определить сущность общественных интересов, лежащих в основе правовой нормы, подлежащей и толкованию, и применению. “Взвешивание” (нем. *Abwägung*) интересов конфликтующих сторон осуществляется посредством выявления общественного интереса, который, в свою очередь, познаётся на основе анализа тех обстоятельств, которые побудили законодателя принимать действующую норму права (исторический способ толкования)²⁷.

При этом обязательной для судьи является оценка интереса, которая выражается в законе. Сущность этой оценки выявляется судьёй путём непосредственного толкования закона либо с применением аналогии.

В случае невозможности такого способа интерпретации оценки общественного интереса Хек предлагал возможность решения конфликта посредством обращения к общепризнанным ценностным представлениям о сущности общественного интереса, закреплённого (выраженного) в норме права²⁸. Если же и таким способом не удавалось достичь цели, то возможно было принятие решения на основе той оценки интересов, которую даёт судья самостоятельно.

Несомненная заслуга юриспруденции интересов состоит в том, что она смогла за статьями законов и логико-правовыми конструкциями увидеть лежащие в их основе цели и интересы, а также связанные с ними ценностные представления²⁹.

Вместе с тем юриспруденция интересов столкнулась с рядом проблем, которые оказались для неё сложными и практически неразрешимыми в её методологической парадигме. Юриспруденцией интересов так и не был чётко выяснен вопрос о том, чьи интересы, выраженные в норме права, подлежат выявлению в первую очередь. Оставалось также отчасти неясным то, какие из многочисленных субъективных интересов должны оцениваться как занимающие высшее место в шкале ценностей и т.д.

А.В. Никандров, доцент кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. полит. наук. “Абсолютная идея права” Р. Иеринга и “абсолютизм суверенитета народа” Ж.-Ж. Руссо

Сопоставление философии права Р. Иеринга и философско-политической системы Ж.-Ж. Руссо в отношении к праву и закону — на первый взгляд задача и постановка неясная, мало чем обоснованная. Однако при углубленном прочтении некоторых текстов этих мыслителей становятся отчетливо видны моменты интеллектуального сближения, некоторая общность подходов, фундаментальных установок. Об одном таком общем “смысловом узле” следует сказать. Конечно, прежде чем говорить о “моментах общности”, следует подчеркнуть “моменты различия”.

Ж.-Ж. Руссо — апологет народного суверенитета. Народ в политической философии Руссо — единственный источник государственной власти и творец права, обладатель суверенитета (*le Peuple est seul détenteur de l'autorité souveraine*). *Volonté générale* — общая, генеральная, или интегральная воля, *политическая энтелехия* народа. “Народ в смысле наличной массы, — утверждает В.И. Герье, — становится у Руссо непосредственным источником государственной власти и потому провозглашается *государем*”. Право, в свою очередь, исходит из *volonté générale* народа, как Минерва из головы Юпитера.

Р. Иеринг — “один из самых сильных апологетов права” (С.А. Котляревский). Исследователи говорят об “абсолютной идее права” Иеринга. По сути, не народ созидает право, но во многом скорее иеринговское непреклонное правовое государство, “идеальный авторитет закона” творит народ: “право есть сила”, объединяющая народ в единство, в единое государство. Там, где у Руссо при “сотворении” права “привлекается” наитие, “божественный законодатель”, у Иеринга вступает в действие юридическая техника, “искусство применения права”. Там, где у Руссо “потребовались бы боги” (*Il faudrait des Dieux pour donner des lois aux hommes*), у Иеринга “техника решает всё”. Итак, два разных “абсолютизма” — народа и права, соответственно, два разных “метода творения” права.

При отмеченных существенных различиях у двух мыслителей имеется и кардинальное сходство: преодоление разобщенности, индивидуализма в “конструировании” целостности народа и государства. Индивидуализм преодолевается правом, “энергичным правовым чувством” народа у Иеринга; и преодолевается общей волей — у Руссо (“каждый из нас отдает свою личность и всю свою мощь под верховное руководство общей воли, и мы вместе принимаем каждого члена как нераздельную часть целого”). Право есть (словами Иеринга, но под ними мог бы подписаться и женеvский мыслитель) “напряженная работа не одной лишь государственной власти, но и всей нации” с её “всеобщей заинтересованностью в праве”. С утверждением же Руссо о том, что “закон соединяет всеобщность воли с всеобщностью объекта”, согласился бы и немецкий мыслитель.

²⁷ См.: Rieham T. Abwägungsentscheiden in der praktischen Rechtsanwendung. München, 2008.

²⁸ См.: Шанн Ян. Основы гражданского права Германии: учеб. М., 1996. С. 9.

²⁹ См.: Корнев В.Н. Философско-правовые предпосылки формирования интегративного подхода к пониманию права (международно-правовой и внутригосударственный аспект) // Современное правопонимание: курс лекций / отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2016. С. 269–283.

И.Ф. Мачин, доцент кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. юрид. наук. *Политические и правовые взгляды Р. Иеринга в контексте политики О. Бисмарка*

Р. Иеринг принадлежал к юридической династии, берущей свое начало в 1473 г. Его творческую деятельность можно разделить на два этапа. До середины 50-х годов XIX в. Иеринг придерживается “юриспруденции понятий”. Он полагал, что “наука может образовывать новые понятия и новые правовые положения: понятия плодотворны, они совокупляются, порождая новые”. Но со временем Иеринг осознает, что и современные, и классические римские понятия являются лишь продуктами исторического развития и имеют силу только при определенном порядке общественных отношений, с изменением этого порядка изменяются и сами понятия. Иеринг резко порывает с абстрактной, чисто логической юриспруденцией и приступает к разработке “юриспруденции интересов”.

Следует заметить, что научное творчество Иеринга пришлось на годы, когда решалась судьба Германии. Известный российский правовед Г.Ф. Шершеневич полагал, что только политики, которым удавалось держать руку на пульсе своего времени, могли действовать “на опережение”, задавая новый вектор развития государства, изменяя направление политического развития всего общества. Обладая “инстинктом политического самосохранения”, они осознавали необходимость реализации новой функции (“задачи” — в лексике Шершеневича) государства, в высшей степени значимой для своего времени. Эта новая функция государства серьезным образом меняла облик самого государства. В эпоху Иеринга таким политиком, в полной мере обладавшим “инстинктом политического самосохранения”, был О. фон Бисмарк (1815–1898). Следуя этому инстинкту, он осознал метод преодоления классовых противоречий внутри общества — принятие социального и трудового законодательства в интересах рабочих. Известно, что в процессе разработки этих программ Бисмарк вел длительную переписку с известным немецким политическим деятелем, теоретиком социал-демократии Ф. Лассалем (между ними был даже заключен тайный договор, согласно которому Лассаль обещал поддержку Бисмарку со стороны рабочих, а Бисмарк — ввести всеобщее избирательное право). Безусловно, Бисмарк был неординарной личностью, деятельность которого способствовала созданию в 1871 г. Германской империи (II Рейх).

Политика Бисмарка оказала большое влияние на политические и правовые взгляды Иеринга. Некоторые высказывания легендарного канцлера стали афоризмами. Один из них: “не речами и решениями большинства решаются важные вопросы современности — это была крупная ошибка 1848 и 1849 годов — а железом и кровью”, — созвучен выводу Иеринга, представленному в его работе “Борьба за право” (1872): “Все великие приобретения, на которые может указать история права: отмена рабства, крепостного состояния, свобода земельной собственности, промыслов, вероисповедания

и пр. — все это пришлось добывать лишь таким путем ожесточенной, часто целые столетия продолжавшейся борьбы, и путь, по которому шло при этом право, нередко отмечен потоками крови...”³⁰. Заметим, что блестящее знание истории развития права позволило Иерингу развить концепцию *борьбы за право*, в которой нашли свое выражение не только утверждение “железного канцлера”, но и теория эволюции Дарвина.

Кроме того, *концепция правовой политики* Иеринга была, как представляется, обусловлена социальной политикой, проводимой Бисмарком. Начиная с 80-х годов XIX в. в Германии стала активно проводиться политика *sozial Fursorge* (социальное обеспечение). Было введено всеобщее страхование по болезни, учреждены инспекции труда, ограничено время труда рабочих на вредном для здоровья производстве и др. Все эти меры объективно вели к росту лояльности большинства народа к немецкому государству.

Такого рода государственная политика Бисмарка соответствовала и представлениям Иеринга о праве: как “хорошо понимаемой политике силы” и как средстве “обеспечения путем принуждения условий существования общества”.

Т.Р. Орехова, доцент кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. юрид. наук. *Интересы и их реализация в праве в современных условиях*

Современное общество с рыночной экономикой часто рассматривается как общество, в котором идея эффективности и рациональности, стремление людей к реализации собственного (эгоистического) интереса определяют модели поведения субъектов права в различных областях общественной жизни, где потребление, обмен и оценка меры справедливости в этих процессах предопределяют развитие не только экономической сферы, но и других связанных с ней и не связанных (политика, образование, культура, здравоохранение, социальное обеспечение и т.д.) сфер. В этой связи новое звучание приобретают такие “классические” понятия, как “публичный” и “частный” интересы, методы их реализации и интеграции в различных отраслях права, которые находят свое отражение в законодательстве и правоприменительной практике и требуют своего общетеоретического осмысления.

1. Для сферы взаимодействия государства и бизнеса особое значение имеет согласование интересов, которые традиционно понимаются как “государственный”, “публичный” и “частный”. Такое согласование мы видим на примере государственно-частного партнерства, где происходит объединение ресурсов государства и частных лиц в целях взаимовыгодного сотрудничества (реализации частных и государственного интересов), но при этом удовлетворяются также интересы общества в целом, так как именно население является потребителем товаров и услуг, пользователем создаваемых

³⁰ Иеринг Р. Борьба за право. С. 3.

в результате такой деятельности объектов социальной инфраструктуры.

2. Несмотря на провозглашенный принцип формального равенства, законодатель часто находит баланс защищаемых интересов через защиту “слабой” стороны. Такое соотношение частного и общественного (корпоративного) интереса можно увидеть на примере защиты прав мажоритарных и миноритарных акционеров (в качестве иллюстрации приведем Определение Конституционного Суда РФ от 3.07.2007 г. № 681-О-П).

3. Предпринимательство как вид деятельности нацелено на достижение частного (экономического) интереса, но при этом реализуются и интересы общественные: создаются социально значимые товары и услуги, рабочие места, реально обеспечиваются интересы государства в повышении благосостояния населения, росте производственных мощностей, повышении конкурентоспособности экономики страны. Еще большее достижение общественного интереса при реализации интереса частного можно проследить на примере социального предпринимательства.

Общественный интерес достигается также путем обеспечения наличия и достаточности адекватных правовых механизмов (правовых средств) регулирования предпринимательской деятельности в целом, а также других видов деятельности.

4. Достаточно часто используется такое выражение, как “интересы гражданского оборота”, который, по сути, также объединяет частные и общественный интересы. “Граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе” (п. 2 ст. 1 ГК РФ). В этом основополагающем принципе заключена идея реализации не только частного интереса, но и взаимовыгодного оборота (в интересах всех участников (сторон), так как единственное средство достижения баланса интересов — добровольное соглашение об условиях сделки, соразмерность прав и обязанностей сторон в котором указывает на взаимную заинтересованность в результате).

5. В законодательстве и юридической практике преобладает идея о том, что такие блага, как жизнь и здоровье и другие права человека находятся на вершине иерархии ценностей, защищаемых государством и правом. Более того, защита этих личных прав (личных интересов) превращается в своего рода публичный (общественный) интерес. Охраняя путем установления уголовно-правовой и иных видов ответственности жизнь и здоровье каждого конкретного человека, государство вместе с тем охраняет и гарантирует всему обществу стабильность и правопорядок.

Можно привести и другие примеры для научно-теоретического осмысления: пенсионное законодательство и обсуждаемые пути пенсионной реформы, развитие социального, в том числе обязательного, страхования, законодательство о капитальном строительстве (порядок долевого участия и инвестиционной деятельности), отражение интересов сторон и государства и общества

в процессуальном законодательстве, законодательстве о банковской деятельности, которые убедительно демонстрируют не только невозможность различения, но также смешение и совпадение частных и публичных интересов в различных отраслях права.

О.М. Караташ, старший преподаватель кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия, канд. юрид. наук.
О соотношении идей Р. Иеринга с концепциями правопонимания в России второй половины XIX — начала XX в.

В России во второй половине XIX — начале XX в., как известно, господствующей доктриной являлся юридический позитивизм, представителей которого объединяло с Р. Иерингом одно важное, на наш взгляд, обстоятельство. Формально-догматическое правоведение, в особенности после проведения либеральных реформ во второй половине XIX в., было призвано обеспечить отправление правосудия, в общем смысле — связь теории и практики. Последнее было одной из важнейших проблем, которая волновала Иеринга, поскольку ему пришлось в своей юридической практике много раздумывать над тем, как приспособить доктрину римского права к современным ему проблемам в практике. В результате чего правоведом был сделан интересный вывод о том, что следует сначала совершенно утратить веру в теорию, чтобы заставить ее успешно себе служить.

Идейные последователи Иеринга в России также утверждали, что у науки нет других целей, кроме практических. Методологическая особенность их подхода к пониманию права заключалась в том, что право не должно изучаться изолированно от среды, в которой оно было образовано; право всецело имманентно общественным процессам. И в теории Иеринга определяющим являлось изучение законов развития права как социального явления в его активной деятельности каждого из индивидуумов. В этой связи ограниченность догмы права состояла как раз в неспособности с теоретической точки зрения обработать материал, выявляемый при помощи социологических исследований. Другая особенность при определении права через понятие “интерес” в его социологической интерпретации предполагает относительность в праве или релятивизм, в результате чего деятельность правоприменителя уже нельзя было свести к построению логических силлогизмов и оправдать применение норм любого содержания, как это было бы при определении права с формальной точки зрения. Здесь важно подчеркнуть, что идеи Иеринга, развитые и в социологической юриспруденции в России, имели прогрессивное значение.

На смену позитивистским концепциям в праве была призвана естественно-правовая теория для того, чтобы усилить духовно-нравственную составляющую в понимании права, в процессе чего источник права искали в природе человека. На наш взгляд, не ясным остается вопрос о том, насколько близки идеи Иеринга с естественно-правовой теорией как в ее классической интерпретации, так и в “возрожденном естественном праве”. В одной из своих работ Иеринг со свойственным ему красноречием такой подход, при котором, по его

выражению, следовало “обольстить индивида указанием на его нравственную самодержавность”, считал ложным. Он прямо заявляет о том, что общество оказывается центром всего его этического мировоззрения. В другом месте Иеринг критикует идею Канта о безусловном постулате. Вместе с тем он сам не свободен от такого общего принципа; он поднимает на степень всеобщего закона борьбу за право, борьбу за “идеальную стоимость права”. Иеринг тоже был идеалистом в том смысле, в котором призывал бороться за право, невзирая на меру его ценности и полезности. Несмотря на то что естественно-правовые идеи были реформированы, “возрождены” с тем, чтобы найти компромисс между рационализмом и историзмом в праве, формулировался абсолютный принцип, идеалистическое начало. Здесь по традиции культивировалась идея обусловленности права нравственностью, поэтому закономерно, что отечественные философы права выступили против определения права, которое они связывали с объективными нормами общего блага, через субъективное понятие интерес.

По нашему мнению, вопрос о том, как в теории и практике решается вопрос о понимании права, имеет исключительное значение. Так, в теории Иеринга понятие права обусловлено категориями “интерес”, “цель” и “борьба”, на которых построена “юриспруденция интересов”. Однако, представляется, что если мы возьмем любую из этих категорий и сделаем их в качестве определяющих при понятии права, то следует согласиться с тем, что Иеринг был методологически непоследовательным, а некоторые его положения несогласованны между собой. Вместе с тем теория правоведа достаточно универсальна, что следует хотя бы из того, что у него не было недостатка как в критиках, так и в последователях.

А.В. Пищулин, доцент кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. юрид. наук. Проблема актуальности учения Рудольфа Иеринга с точки зрения современной философии права

Проблематика сегодняшней конференции не случайна и весьма актуальна. Безусловно, необходимо отметить, что размышления Р. Иеринга являются очень ценными для современной философии права. Мы видим, что его рассуждения в области частного права, частного интереса и целей права в каком-то смысле закладывают основы современного развития философии частного права. Частный интерес, экономический интерес как фундаментальная социально-философская основа права исследуются (очевидно, начиная с Иеринга) и по сей день. Актуальность таких исследований в области и философии права, и гражданского права всем очевидна. Достаточно вспомнить современные классические труды по экономике права в англосаксонском мире, в частности исследования Р. Познера³¹, и, конечно же, развивающиеся отечественные работы по связи экономики и права не без интеллектуального влияния того же

автора³². В этом смысле фундаментом и предтечей всех этих исследований, безусловно, можно считать рассуждения об интересах и целях, заложенных еще Иерингом.

Но в то же время для современной науки научные изыскания Иеринга в каком-то аспекте могут показаться достаточно схематичными. Этот факт тоже, разумеется, нельзя не признать. Описывая цели права, он трактует их весьма однозначно: главное, постулируя некоторые утверждения, может быть, даже основанные то ли на философско-позитивистской методологии, то ли отчасти, может быть, на естественно-правовой методологии, что все в жизни имеет свою цель. Мы находим у Иеринга довольно подробные рассуждения об этом. Тем не менее в современной реальности, как представляется, цели в праве и в нормативном акте могут быть поставлены одни, а последствия и результаты могут возникать совершенно противоположные или в какой-то мере противоположные тем целям, которые могли быть первично постулированы или подразумевались в нормативном регулировании. Поэтому отчасти рассуждения Иеринга представляются, к сожалению, для современного общества достаточно примитивными: взять, к примеру, актуальные размышления о факторах непредсказуемости, например, в экономике или политологии³³ или то, что сейчас изучают смежные науки, в частности, синергетика, которая исследует факторы случайности³⁴. В научной картине мира Иеринга это не учитывается. Таким образом, перечитывая его труды, можно признать за ним безоговорочное место как классика, но назвать его автором, отвечающим на современные вопросы, порой затруднительно.

Безусловно, Иеринг, будучи все-таки специалистом в области частного права, достаточно неравномерное внимание уделяет как публичному, так и частному интересу с очевидным перевесом в сторону последнего, хотя пытается апеллировать и к публичному, и всеобщему интересу. Тем не менее он в основном фокусирует свое внимание на частном интересе, где цели и интересы, о которых он рассуждает, воплощаются с наибольшей полнотой. А в праве публичном, безусловно, категории целей и интереса зачастую и во времена Иеринга, да и сейчас тем более были не столь однозначны. Но фактор именно конструирования и программирования некоторых последствий (прежде всего), а не апелляция к естественно подразумевающимся целям и интересам человека достаточно силен в публичном праве. Не случайно поэтому у Иеринга как раз его рассуждения в области философии частного права удаются ему гораздо больше, чем его рассуждения в рамках публичных

³¹ См.: Познер Р. Экономический анализ права: в 2 т. СПб., 2004.

³² См., напр.: Карапетов А.Г. Экономический анализ права. М., 2016.

³³ См., напр.: Талей Н.Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М., 2009.

³⁴ См., напр.: Пригожин И.Р. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 2003; Ельчанинов М.С. Социальная синергетика и катастрофы в эпоху модерна. М., 2005; Ветютнев Ю.Ю. Синергетика в праве // Государство и право. 2002. № 4.

правовых отношений, где эффект непредсказуемости, очевидно, существенно сильнее.

Ю.А. Волков, доцент департамента социально-политических дисциплин Московского физико-технического института (государственного университета), канд. ист. наук. Проблема интереса в германском праве конца XIX — начала XX в.

Одной из особенностей правовой системы Германии конца XIX — начала XX в. стало противоречие между политической системой Германской империи, провозглашенной как национальное государство только в 1871 г. (гораздо позже других ведущих стран Европы) на основе Северогерманского союза во главе с Пруссией, и интересами немецкой индустриальной буржуазии. Принятая в мае 1871 г. имперская Конституция преследовала явную цель “опруссачивания” прежде независимых и полунезависимых германских государств. Например, только прусский король мог стать германским императором; при обсуждении важнейших вопросов в Союзном совете (по делам армии, флота, о таможенных тарифах и т.д.) голос Пруссии был решающим, причем он оставался таковым и в случае равенства при голосовании. Лишь имперским властям принадлежало право управления важнейшими областями жизнедеятельности Германии (ведение внешних дел, руководство вооруженными силами, чеканка монеты, управление финансовой и хозяйственной деятельностью империи, правовое регулирование всех сторон жизни общества, организация судопроизводства). Не могло произойти также изменение Конституции империи без согласия Пруссии³⁵.

Однако с оформлением в 1880-е годы монополистической буржуазии, что сопровождалось численным ростом и организационным укреплением германского пролетариата, бонапартистский режим Бисмарка исчерпал свою политическую эффективность. После отставки Бисмарка при императоре Вильгельме II началась постепенная либерализация режима. В Германии происходило формирование буржуазного общества эпохи монополистического капитализма, для обеспечения интересов которого требовалась соответствующая система гражданского права.

Значительной вехой в развитии гражданского права, полностью отражавшего интересы немецкой буржуазии, стало принятое в 1896 г. и вступившее в силу с 1 января 1900 г. Германское гражданское уложение (ГГУ). Нередко в литературе используется термин БГБ (BGB), по начальным буквам официального немецкого названия — *Bürgerliches Gesetzbuch*³⁶. Большое значение этого памятника истории права определяется тем, что в нем не только отразились особенности экономической и политической жизни Германии, ставшей с конца XIX в. мировой державой, но и аккумулировались новые, характерные для эпохи индустриального капитализма тенденции

в развитии буржуазного и гражданского права. Не случайно следы влияния ГГУ в ряде гражданских кодексов начала XX в. (Бразилии, Китая и других стран) проступают значительно отчетливее, чем например в Гражданском кодексе Франции.

Последовательно буржуазный характер ГГУ выразился в первую очередь в том, что в нем выделяются два вида юридических лиц: ферейны (*Verein*) — общества и учреждения. Под ферейнами понимались союзы лиц, с которыми входящие в их состав лица связаны членскими правами и обязанностями. Другие юридические лица — учреждения — образуются в силу волеизъявления частных лиц, выделяющих для достижения определенной цели необходимое имущество.

Правоспособность и устройство общества определяются в его уставе; там же фиксируются порядок выборов правления и круг его деятельности. В § 43 предусматривается возможность лишения общества правоспособности, “если вследствие противозаконного постановления общего собрания или противозаконного образа действия правления оно угрожает общественным интересам”³⁷.

Но в Германском гражданском уложении прослеживается стремление учесть интересы и более широких народных масс, что может служить примером одной из первых попыток достижения “социальной гармонии”. Так, в ГГУ нет противопоставления права и морали, наоборот, его авторы стремились ввести в гражданское право так называемые “каучуковые” моральные нормы, включавшие социально-этические критерии “добрых нравов”, “доброй совести”. Новая концепция права, в частности идея правовой “социальности”, находит свое наиболее четкое выражение в § 226: “Не допускается осуществление права, если целью такого осуществления может быть только причинение вреда другому”³⁸. Хотя пределы действия данного положения были ограничены (вред должен составлять единственную цель незаконного действия), его закрепление в германском праве было весьма симптоматичным.

В § 905 Уложения в общей форме указывается, что “право собственника земельного участка простирается как на пространство, находящееся под поверхностью, так и на недрах земли”. Однако в этом положении уже учитываются интересы и потребности окрепшего капиталистического предпринимательства, в основе которого лежит свободный доступ промышленника к разработке недр, воздухоплаванию и т.д. “Собственник не может, однако, воспретить воздействие, происходящее на такой высоте или на такой глубине, что устранение его не представляет для него интереса”. Новую, более высокую ступень промышленного развития отражает и содержание § 906, в соответствии с которым собственник земельного участка не мог воспрепятствовать проникновению к нему с другого участка газов, паров, запахов, дыма, копоти, теплоты, шума, сотрясения и т.д., если

³⁵ См.: Прудников М.Н. История государства и права зарубежных стран: учеб. для бакалавров. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2013. С. 496, 497.

³⁶ Гражданский кодекс (см.: История государства и права зарубежных стран: учеб. / под ред. К.И. Батыра. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2012. С. 387).

³⁷ Там же. С. 388.

³⁸ Там же. С. 389.

“такое воздействие не стесняет его или стесняет только в незначительной мере в пользовании своим участием”³⁹.

В целом “каучуковый” характер многих положений ГГУ отнюдь не помешал законодателю реализовать в гражданском праве важнейшие интересы и требования буржуазии — обеспечение прочности гражданского оборота и надежную защиту собственности и интересов. Это Уложение в большей степени, чем это делал, например, действовавший на территории тогда еще “ло-скутной” Германии в первой половине XIX в. Кодекс Наполеона, придерживалось принципа выполнения публичных формальностей при совершении целого ряда гражданско-правовых действий.

И.У. Аубакирова, докторант кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. ист. наук. О проблематике социального интереса в социологической юриспруденции Р. Паунда

Правоведческий дискурс над проблематикой интереса уходит корнями к двум важнейшим теориям XX в. — “юриспруденции интересов” Р. Иеринга и “социологической юриспруденции” Р. Паунда.

Идеи Иеринга, согласно которым право обязано своим происхождением общественным практикам, является юридически защищенным интересом, дали важный импульс утверждению социологической мысли в праве. Именно интерес, по логике немецкого мыслителя, побуждает индивида к совершению (не совершению) того или иного волевого действия, ибо действовать, не стремясь удовлетворить свой интерес, алогично. Интересы в широком значении представляют собой “жизненные требования”, и право должно развиваться в унисон с ними⁴⁰.

Вслед за Иерингом за социологический анализ правовых явлений выступает Паунд, утверждая, что социология «в союзе с юриспруденцией способствует лучшему пониманию того, что мы называем “правом”»⁴¹. В его изысканиях, как и в целом в американской “школе реалистов”, предпочтение отдается не “бумажным нормам”, а “реальному праву”⁴². Социальный интерес выступает основным элементом права. Интерес — это нуждающаяся в удовлетворении потребность (притязание, запрос, требование), возникающая в условиях человеческого существования (на уровне как индивидов, так и групп и объединений), из которой следует исходить при регулировании и общественных отношений. При этом не право создает подобные интересы, а напротив,

интересы обуславливают право⁴³. У людей возникают разные интересы, которые затем выявляются, ограничиваются и признаются правом. Права появляются как средство защиты признанных политической властью интересов. Если согласно естественно-правовой доктрине есть категория прав, являющаяся неотъемлемой частью самой природы человека, то, по мысли Паунда, право может признать либо не признать конкретные интересы.

Поскольку в обществе возникает неограниченное количество желаний и потребностей, то возрастает конкуренция интересов. Роль права заключается в улаживании социальных противоречий и достижения “цивилизованных отношений” в обществе⁴⁴. Паунд возлагает на право функцию осуществления социальной инженерии, ориентированной на широкое признание и эффективное обеспечение наиболее весомых в данном цивилизованном обществе социальных интересов, постоянное устранение противоречий и создание гармонии в “использовании человеком благ бытия”⁴⁵. Право представляет собой *высоко специализированную форму социального контроля* в политически организованном обществе, который осуществляется посредством принуждения, основанного на властных предписаниях.

Воззрения Паунда нередко подвергаются критике, к примеру, за отрицание абсолютных прав и обоснование только тех интересов, которые признаются политической властью. Однако власть, вызвавшая подобное признание, может от него легко отказаться, оставив индивида в бесправном положении. Как пишут авторы, в результате то, чего Паунд стремится избежать, как раз становится возможным — произвол власти. Только при безусловном признании прав, основанных на естественной природе человека, может гарантироваться правовая защищенность человека⁴⁶. Вместе с тем критика идей Паунда, не лишенная порой оснований, отнюдь не умаляет огромной значимости вклада ученого в развитие проблематики социального интереса в праве.

Л.В. Лукьянчикова, канд. ист. наук, доц. Интерес в праве государства и общества в России второй половины XIX в.: соотношение и приоритеты

Провозглашенный Р. Иерингом интерес в праве как защищаемый законом компромисс потребностей социума и власти⁴⁷ в политике российского самодержавия в период “Великих реформ” XIX в. получил яркое отражение. Известно, что модернизация государственной системы в данный период была направлена на существенное

³⁹ Вернисов А.В. История государства и права зарубежных стран. М., 2011. С. 430, 431.

⁴⁰ См.: Иеринг Р. Интерес и право. Соч. д-ра Рудольфа фон Иеринга, юстиц тайного советника и проф. Гёттингенск. ун-та / пер. с нем. А. Борзенко. С. 83.

⁴¹ Паунд Р. Социология права // В кн.: Гурвич Г.Д. Избр. труды. СПб., 2004. С. 830.

⁴² Жуков В.Н. Философия и социология права: опыт плюралистического подхода. М., 2013. С. 135.

⁴³ См.: Pound R. Social Control Through Law. New Brunswick, London, 2004. P. 66.

⁴⁴ См.: Фролова Е.А. История политических и правовых учений. М., 2017. С. 485.

⁴⁵ Pound R. An Introduction to the Philosophy of Law. New Haven, 1930. P. 96–99.

⁴⁶ См.: McManaman Linus J. Social Engineering: The Legal Philosophy of Roscoe Pound // St. John's Law Review. Vol. 33. 1958. № 3. Iss. 1. P. 46.

⁴⁷ См.: Иеринг Р. Интерес и право. Соч. д-ра Рудольфа фон Иеринга, юстиц тайного советника и проф. Гёттингенск. ун-та. / пер. с нем. А. Борзенко. С. 79, 83, 97–99.

расширение практики согласования публичных и частных интересов, в первую очередь смягчение межсословной экономической разобщенности. В этой связи обращает внимание учет пожеланий общественных деятелей, прежде всего прогрессивного дворянства при составлении проектов законов крестьянской, земской и городской, судебной, военной реформ и т.д. Кроме того, лояльность, а в ряде случаев поощрение государственного руководства в созыве съездов различных корпораций региональной либо отраслевой производственной специализации также свидетельствуют о взаимовлиянии правительственных и общественных интересов, способствующих закладыванию в России основ буржуазно-демократического строя. По результатам такого взаимодействия наблюдался корректив в той или иной деятельности государственной политики с соответствующим отражением в законодательстве⁴⁸. Отметим также рост социальной активности в связи с учреждением местных органов самоуправления и умножение числа их инициатив, направленных на удовлетворение запросов подданных. Анализ рассмотренных самодержавием обращений земств показал гибкость его политики — ходатайства, не содержавшие “потрясение основ” государственного общежития, как правило, разрешались положительно⁴⁹. Доказательством является то, что “подмораживание прогресса” в 1890-х годах, не меняя коренным образом положения реформ, послужило нивелированию диссонанса нормального функционирования государственной системы и общественных учреждений. При этом очевидным в эти годы стал пересмотр правительством пределов гражданской деятельности и государственных прерогатив в пользу интересов дворянства и крупного торгового предпринимательства — так самодержавие обеспечивало собственную устойчивость и внутреннюю стабильность. Однако оно не смогло преодолеть негативных тенденций, которые впоследствии привели к революционным событиям начала XX в.

В заключение укажем, что тема соотношения баланса интересов в праве является значимой для любого периода развития государства, не случайно воззрения Р. Иеринга оказали заметное влияние на развитие отечественной политико-правовой мысли в течение двух столетий⁵⁰. Проблема формирования справедливого правопорядка представляется в России актуальной и на современном этапе. При этом следует понимать, что возведение социальных запросов в область правительственных задач должно иметь адекватное существующим условиям правовое выражение, ориентированное

на активную роль государства в исключении любого произвола.

М.А. Белова, аспирант кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия. *От юриспруденции понятий к юриспруденции интересов*

Труды Р. Иеринга, профессора права Гёттингенского университета, почетного члена Петербургского, Московского и Казанского университетов, вызвали большой интерес и многократно переиздавались в России в последней четверти XIX — начале XX в. Наиболее известные его сочинения — “Цель в праве” и “Борьба за право”. В этих книгах он сформировал свою теорию происхождения и сущности права. Б.А. Кистяковский назвал эту теорию “телеологическим пониманием права”⁵¹.

До середины 50-х годов XIX в. Иеринг был сторонником направления “юриспруденции понятий” в науке права. В одной из своих самых значимых работ “Дух римского права”, будучи приверженцем взглядов Г.Ф. Пухты, Иеринг писал, что “понятия продуктивны, комбинируясь, они производят на свет новые”⁵².

С середины 50-х годов происходит период революции во взглядах Иеринга. Он внезапно обращается к социологическому обоснованию права и уже с иронией отзывается о недавно почитаемой им юриспруденции понятий. Столь резкий поворот во взглядах связан с “переопределением” субъективного права. Субъективное право, традиционно понимаемое как “воля”, следовало понимать как “защищенный законом интерес”. Тем самым Иеринг “снимает занавес” романтики, идеализма, историзма и понятийной абстракции, который долгое время скрывал ключевые вопросы права⁵³.

Основная идея его второго произведения “Цель в праве”, которое автором не было закончено, звучала как “цель есть творец всего права”⁵⁴.

Цель, по Иерингу, является основанием для волевого действия человека, так же как причина является основанием всякого действия в природе. Причину он называет механическим основанием действия, цель — психологическим. Иеринг вводит понятие психологического закона причинности, называя его целевым законом: “нет хотения, или что то же, нет деяния без цели”⁵⁵. Цель находится в будущем, таким образом, любое волевое действие обусловлено будущим, целью, а не причиной, находящейся в прошлом и определяющей механическое действие в природе.

⁴⁸ См., напр.: *Рогатко С.А.* Крупные предприниматели в пищеперерабатывающих отраслях промышленности России во второй половине XIX — начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. С. 26, 36, 77.

⁴⁹ См., напр.: *Веселовский Б.Б.* История земства за сорок лет. Т. III. СПб., 1911. С. 92, 406–409.

⁵⁰ См., напр.: *Жуков В.Н.* Социология права в России. М., 2015. С. 154–170; *Завьялов Ю.С.* Взгляды Р. Иеринга на государство и право // Правоведение. 1968. № 3. С. 106–115; *Фролова Е.А.* История политических и правовых учений. С. 432–471; *Ее же.* Методология и философия права: от Декарта до русских неокантианцев. М., 2017. С. 197–204.

⁵¹ *Кистяковский Б.А.* Социальные науки и право. М., 1916. С. 660.

⁵² *Jhering v. R.* Geist des römischen Rechts, 3 Teile, Nachdruck Aalen, 1968. S. 28.

⁵³ См.: *Rüthers B., Fischer C., Birk A.* Rechtstheorie mit juristischer Methodenlehre. 7. Auflage. Verlag C.H. Beck, München, 2013. S. 327.

⁵⁴ *Jhering v. R.* Der Zweck im Recht, 2 Bände, Nachdruck Hildesheim, 1970. S. 16.

⁵⁵ Ibid. S. 2.

Иеринг вводит систематику человеческих целей. Он разделяет все цели на эгоистические и социальные — цели индивида и цели общества. Социальные цели достигаются двояко:

путем воздействия на эгоистический интерес индивида с помощью поощрения и наказания;

путем осознания субъектом эгоистического назначения своего бытия — сознания, что жизнь дана не только для него самого, но и для служения человечеству.

Теория Иеринга была направлена на философско-антропологическое обоснование права. В своем труде «Борьба за право» он, так же как и К. Маркс, и Л. фон Штейн, пришел к осознанию общественно-политического начала и содержания всего права. Так как без права общество определялось бы лишь эгоистично-бездержной агрессией сильных или же трусливым бегством слабых, Иеринг считал, что «борьба за право — это долг каждого перед самим собой», «отстаивание права — это долг перед сообществом»⁵⁶.

Высказывания о субъектах и о значении воплощенных в праве целях и интересах остаются в учении Иеринга нераскрытыми. Точные определения понятий «цель» и «интерес» должны были быть сформулированы в третьем томе его труда «Цель в праве», который, однако, так и не появился.

Предложением, что цель — это творец всего права, была затронута тема, которой теория права занимается и в настоящее время. Однако тема эта была лишь обозначена, но системно не проработана, т.е. ученому так и не удалось классифицировать интересы в праве в определенную систему.

С.С. Каторгин, аспирант кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Экономические интересы в праве: постановка проблемы

Основоположником теории интересов традиционно считается немецкий исследователь Р. Иеринг, который одним из первых обратил внимание на значимость исследования влияния социальных интересов на право. В рамках его теории интерес становился смыслообразующим звеном процесса формального воздействия права на общественные отношения⁵⁷. Таким образом, Р. Иеринг одним из первых определил, что интерес как мост между личностью и ее целью реализуется в первую очередь с помощью права, его инструментов и механизмов.

В данный момент вопрос о способах реализации социальных интересов (в том числе и экономических) в праве исследован недостаточно. В этой связи интересно проследить, как в современных условиях экономические интересы разнообразных субъектов правоотношений влияют на процессы правотворчества, выбора применимой нормы права или соответствующего правового режима, используя методологию различных

социально-гуманитарных наук. Если согласиться с тезисом о том, что интерес является основной причиной деятельности, то можно прийти к выводу, согласно которому экономические интересы государства как ключевого участника экономического оборота, экономические интересы граждан и организаций, которые являются субъектами экономических отношений, выступают в роли важнейшего ненормативного регулятора социальных взаимоотношений. В таком случае важно понять, как соотносятся право, характеризующееся признаками формализма и нормативности, и система экономических интересов участников правоотношений, стремящихся к достижению собственных целей. Фактически подобная постановка вопроса приводит нас к более обширной проблеме соотношения права и экономики как основных сфер жизни общества. Однако исследование указанной проблемы целесообразнее начинать с рассмотрения вопроса о возможности и степени влияния экономических интересов на процессы, протекающие в сфере права, и на решения участников правоотношений, обладающие правовым эффектом, так как это позволит определить, каким образом используются ресурсы правовой системы.

Д.В. Сергеев, аспирант кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Взгляд Р. Иеринга на толкование права

Один из самых выдающихся немецких правоведов, основоположник теории интересов Р. Иеринг, будучи сначала адептом исторической школы права, позже обрушивается на нее с критикой. Во главу угла он ставит реальное осуществление права в жизни, его объективизацию, а не абстрактное содержание отдельных законов⁵⁸.

Такой подход к праву непосредственно связан и с взглядом Иеринга на толкование права. Он определяет толкование как низшую юриспруденцию, которая является только ступенькой на пути к высшей⁵⁹. Толкование лишь «разжевывает» правовой материал, делает его понятным, не привнося ничего нового, готовит его для последующего юридического анализа, синтеза и систематизации. В отличие от последних операций, само «толкование не есть специально юридическая операция: каждая наука, источники которой — письменные акты, должна заняться толкованием»⁶⁰.

В другом месте Иеринг на примере из римского права⁶¹ показывает, что неопределенные формулировки закона затрудняют его применение и, наоборот, облегчают такие, которые содержат число (возраст, давность и проч.). Он видит задачу законодательства и юриспруденции

⁵⁸ См.: *Иеринг Р.* Юридическая техника / пер. с нем. Ф.С. Шендорфа. СПб., 1905. С. 19.

⁵⁹ К высшей юриспруденции Иеринг относит анализ, конструкцию и систематизацию юридических отношений (см.: *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. М., 2010. С. 443).

⁶⁰ *Иеринг Р.* Юридическая техника. С. 65.

⁶¹ «Постановления Юстиниана, напр., о праве наследования «бедной» вдовы или о ставках, разрешенных при игре «богатым» — образчики того, каким закон не должен быть, ибо оба понятия вполне неопределенны...» (см.: там же).

⁵⁶ *Jhering v. R. Der Kampf ums Recht*, 23 Aufl., Wien, 1946. S. 20, 46.

⁵⁷ См.: *Иеринг Р.* Цель в праве. Т. 1. СПб., 1881; *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. Т. 2. Вып. 2, 3, 4. М., 1995. С. 196.

в переводе понятий, не поддающихся применению “с языка философа права на язык законодателя и судьи”⁶². Хотя толкование здесь не называется, по сути, речь идет именно о нем, о его роли в процессе как правоприменения, так и правотворчества.

Взгляд Иеринга на толкование (несмотря на периферийное значение, которое он ему отводил) значительно повлиял на дальнейшую теорию толкования права, в частности создал условия для развития движения за свободное право⁶³.

А.А. Старчук, аспирант кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Понятие государства у Н.М. Коркунова

Не секрет, что на учение о государстве и праве Н.М. Коркунова (1853–1904) оказали влияние идеи, выдвинутые Р. фон Иерингом. Оба автора использовали в своих построениях социологические и психологические концепции. Но если Иеринг запомнился преимущественно как теоретик права, то Н.М. Коркунов известен в российской науке, среди прочего, как специалист по государственному праву. Разрабатывая универсальное понятие государства, Коркунов в первую очередь отмечает, что государство — это прежде всего властвование. Принудительное властвование — это отличительная особенность государства как особой формы человеческого общения. Но, рассуждая о достаточности данного признака, он приходит к выводу, что нельзя им одним отличить государство от других форм человеческого общения, и вводит признак самостоятельности этого

принудительного властвования, тем самым отделяя государство от семьи, местных союзов и т.п.

По Коркунову, государство — это не отдельный акт властвования, а состояние установившегося властвования, т.е. государство как состояние установившегося властвования предполагает мирный порядок, признанный обществом, что отличает государство, например, от оккупированной неприятелем территории, где также с его (неприятеля) стороны существует самостоятельное принудительное властвование. Осуществляя такое самостоятельное, принудительное и мирное властвование, государство монополизирует всякое принуждение, закрепляет право принуждения за органами государственной власти.

В качестве финального штриха Коркунов подчеркивает такой признак государства, как властвование над свободными людьми, отделяя государственное властвование от властвования над рабами. Так как раб является не субъектом права, а объектом, то властвование над рабами есть лишь проявление права собственности. Сколько бы ни было рабов под властью человека, он лишь будет крупным собственником, но не правителем государства. Объединяя все указанные признаки, Н.М. Коркунов даёт следующее понятие государства: “Государство есть общественный союз свободных людей с принудительно установленным мирным порядком посредством предоставления исключительного права принуждения только органам государства”⁶⁴.

С заключительным словом к участникам конференции обратился **проф. М.Н. Марченко**, который подвел итоги дискуссии и выразил мнение, что творчество Р. Иеринга остается актуальным для современной юриспруденции.

⁶² Там же. С. 26.

⁶³ См.: *Каранетов А.Г.* Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве // СПС “КонсультантПлюс”.

⁶⁴ *Коркунов Н.М.* Русское государственное право. Т. 1. 6-е изд. СПб., 1909. С. 27.

LAW AND INTEREST (R. IERING) (ALL-SCIENTIFIC CONFERENCE)

© 2018 N. V. Krotkova

Journal “State and Law” of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: krotkova2012@yandex.ru

Received 18.01.2018

Materials of the All-scientific conference “Law and interest (R. Iering)”, held on December 20, 2017 at the faculty of law of Moscow state University M.V. Lomonosov. The topic of correlation of law and interest in the interpretation of the well-known German lawyer R. Iering was evaluated by the conference participants in the framework of the philosophy of law, policy, history of political and legal teachings, sociology of law, methodology of legal science. The conference participants gave a comprehensive analysis of the theory of Iering and drew attention to the relevance of many provisions of its political and legal doctrine for modern jurisprudence and dogma of law: evaluation of law as an interest, the relationship of the purpose of law and its content, the study of forms of struggle for law, the dependence of law on the level of legal consciousness of people’s.

Key words: R. Iering, law, interest, philosophy of law, politics of law, sociology of law, jurisprudence, dogma of law, the purpose of law, the fight for law.